

М.Ю. Сидорова

Московский государственный университет

**Рефлексия «наивного» говорящего над языком и коммуникацией
(по материалам открытых Интернет-дневников)**

...странное состояние... любое слово в любом
месте предложения с легкостью заменяется
многоточием... одни знаки препинания ...?
Любой звук, если прислушаться, перекрывается
стуком капель по металлу... Любую мысль
можно закончить словами «опять льет» ...

(дневник G., xxxxxxxx.ru)

Языковая и речевая рефлексия – один из основных критериев разграничения типов речевой культуры, по О.Б. Сиротининой. Квалификация говорящего, его способность не просто к грамотному автоматизму, а к сознательному творчеству на языке прямо пропорциональна языковому чутью, вкусу, наблюдательности, речевому самоконтролю, склонности к размышлению над фактами языка и речи, пусть даже эта склонность не подкреплена соответствующим образованием. До последнего времени «наивные» носители среднелитературного типа языковой культуры (не-филологи) в массе своей после окончания средней школы оказывались вне целенаправленного лингвистического воспитания. Возможность выбора курса «Русский язык и культура речи» в качестве одной из гуманитарных общеобразовательных дисциплин студентами нефилологических вузов, появление в Интернете таких сайтов, как gramota.ru и gramma.ru с интерактивными опциями, внушает надежду хотя бы на то, что желающие усовершенствовать свое владение русским языком, выяснить конкретный вопрос, расширить свою эрудицию в этой области получают адекватный ответ от специалистов-филологов.

Однако во всех этих случаях «наивный» носитель языка находится в положении спрашивающего, консультируемого. Мы же обратимся к текстам, в которых такой говорящий-пишущий сам смело и свободно выступает как судья и критик, наблюдатель и исследователь русского языка и окружающей нас речевой стихии. Это тексты открытых к прочтению Интернет-дневников (онлайновых дневников, далее – ИД) наших современников, доступные на сайтах dnevnik.ru, diary.ru, livejournals.ru и др.

Такие «сообщества авторов онлайновых дневников» охватывают от нескольких тысяч до нескольких десятков тысяч людей самого разного возраста, уровня образования, профессиональной принадлежности, места проживания (от Томска до Канады, от Израиля до Таллина, от Москвы до Сахалина). Всех авторов ИД объединяет определенный модус речевого существования:

– с большей или меньшей регулярностью (очень многие – каждый день, даже несколько раз в день, некоторые – несколько раз в неделю) эти люди открывают свой дневник и заносят в него записи на русском языке;

– знакомятся с комментариями, которые делают к их записям другие – их коллеги по «дневниководству» или «забрешшие случайно», и отвечают на эти комментарии;

– «путешествуют» по чужим дневникам, оставляя в них свои комментарии и порой вступая в дискуссии с «хозяином».

Информация о том, что такое ИД и для чего он нужен, на главной странице подобных сайтов, как правило, акцентирует возможность для пользователя ИД рассказать о себе и о своей жизни:

@дневник – это рассказ о Вас и Вашей жизни, страницы которого доступны для записей даже тогда, когда у Вас нет возможности выхода в Интернет. Мысли, чувства, эмоции и не только – все то, что хотелось бы сохранить, теперь останется по Вашему желанию в виде записей онлайн-дневника.

Внимательный анализ дневниковых записей показывает, что эту свободу самовыражения многие «дневниководы» используют именно для языковой и речевой рефлексии, для высказывания и обсуждения своей «жизни в языке», «мыслей, чувств, эмоций» по поводу современной коммуникации. Русский язык не менее важный и частый «герой» дневниковых записей, чем автобиографические факты их хозяев:

Маршрутка, у двери сидит кондуктор, и при выходе ей отдают деньги. Довольно свободно, но кондуктор все время кричит резким голосом: «Проходим по салону!», «Уплотняемся!», «Не стоим на месте, в конец идем!» Сама при этом сидит, а вовсе не проходит, хоть и команды отдает в коллективном духе. Народ, естественно, не собирается уплотняться, все и так стоят нормально, а идея уплотнения, видимо, в том, чтобы на первой площадке было свободно, и могли зайти еще люди, и уплотнились бы совсем плотно. А так не все садятся, некоторые ждут следующую, маршрутки часто ходят. Мне надоело, я попросила не кричать так. Кондуктор отвечает: «Вот посидите на моем месте!» Я говорю – ну давайте. Но она опять-таки не уступила мне свое место, хотя сама предложила (дневник D., xxxxxxx.ru)¹;

...каждое утро вижу в метро рекламу какого-то казино, призывающую «Разбудить вулкан удачи», и каждое утро мне хочется читать последнее слово отдельно. Средней руки каламбур;

В институте, помнится, на занятиях военной кафедры, от нечего делать записывал перлы офицеров. Были явные ляпы – «Бомба взрывается в эпицентре», были более тонкие – «При посадке самолет снижается почти до земли».

А это уже собственного производства – «Место, где разводят змей – питонник» (дневник G., xxxxxxx.ru);

Тоска зеленая, голубая мечта, розовые очки, черный день, красна девица, белая горячка, серый день... Почему по-русски «напиться до зеленых чертиков», по-английски – «до розовых слонов»? Что, разные состояния опьянения??? ТАМ до чертей не могут напиться, потому что скорее помрут, чем увидят зеленых чертиков?? А если пить еще? До лиловых свинок, что ли? (дневник S-C, xxxxxxx.ru);

Слово «работа» [скорее всего] происходит от слова «раб»? Значит, ударение нужно ставить так: РАбота. Пахота, РАбота... Однобаранственно (дневник F., xxxxxxx.ru);

Филологией я никогда не увлекался, да. А вот вчера совершенно случайно попалась мне на глаза книжка, называется «К истокам слова». Написано: книга для школьников. :) В книжке рассказывается про науку этимологию – науку о происхождении слов. Оказалось, это очень интересно.

*Например, слова **врач** и **врать** по словообразованию связаны друг с другом. Так что не верьте врачам, они все врут :). Слова **нейлон** и **капрон** были просто*

¹ Записи приближены нами к нормативной орфографии и пунктуации, стилистические ошибки и недочеты сохранены.

придуманы. А вот слово **лавсан** – это сокращение от Лаборатория Высокмолекулярных Соединений Академии Наук.

Голландское слово **zondek** (тент, навес от солнца) было заимствованно сначала как зондек. Потом оно превратилось в **зонтик**. И только потом (по аналогии с парами **носик – нос**, **мостик – мост** и т.д.) превратилось в **зонт** (дневник А., xxxxxxx.ru).

Языковая рефлексия часто становится исходным пунктом «философской» записи:

Знаете, какое самое плохое слово из трех букв, на Й заканчивается?

– Правильно! Это слово Дай.

Ой, как сильно слух коробит. Все жмотское нутро съезживается: Щас отберут (не важно что, главное – Мое). А, вдруг, мне это еще пригодится? А, может, я без этого скучать буду... Но нет. Идиотскую улыбочку нацепил:

– Пожалуйста! чтовы-чтовы! Не стОит благодарностей! Мне это не жалко...

И все из-за того, чтобы никто не узнал, что Я – жмот, жадина. Стесняюсь я, однако. Хотя что тут стесняться? Им, главное, просить не стыдно, а мне...

А мне стыдно постоянно. Перед обитателями этой Планеты стыдно за то, что я Человек. Один из главных Паразитов Мироздания, стремящийся все разрушить и исчерпать. Быстрей бы все это закончилось. Надоело уже (I., xxxxxxx.ru).

Активность языковой и речевой рефлексии в ИД объяснима.

Во-первых, она связана с сетевой формой существования текстов. Человек, планомерно заполняющий ИД, – это человек Интернета, «с головой» вовлеченный в электронную коммуникацию, проводящий огромную часть своего времени спиной к реальному миру, лицом к монитору компьютера. Буквы и другие символы, появляющиеся на экране, общение с виртуальными собеседниками заменяют во многом для него действительность действия и традиционные формы человеческой коммуникации, причем коммуникации неофициальной, интимной, существующей обычно в устной форме. Вместо жеста – ремарка в скобках, подобная драматической, вместо выражения лица – смайлик, вместо интонации устной речи... что? «Как сердцу высказать себя? Другому как понять тебя?» Здесь-то и начинается поиск новых средств самовыражения, сопряженный с активной языковой и речевой рефлексией. Соединяя во времени и пространстве людей, находящихся в разных концах России, на разных континентах, людей самого разного профессионального и социального статуса, Интернет требует и собственного этикета, формирование которого – дело самих пользователей, требующее от каждого из них сознательной «языковой политики».

Во-вторых, языковую и речевую рефлексия стимулирует неопределенность и гибкость дневникового жанра. В самой концепции открытого дневника заложено внутреннее противоречие, ощущаемое, по подсказке культурной традиции, пишущими: установка на автокоммуникацию и искренность дневника конфликтует с его открытой адресованностью, предназначенностью для прочтения и обсуждения незнакомыми людьми. Лингвисту известно, что противоречие это внешнее. Определенным образом понятая диалогичность – свойство не только открытого дневника. «Диалогичный дневник – одно из мощных средств “изобретения себя”. Это одновременно и проект, и воплощение внутренних преобразований. Диалог появляется тогда, когда взаимодействуют две и более смысловые позиции, которые являются “смыслорождающими центрами”, моделями понимания предмета... и, следовательно, способами действия, бытия в мире, соответствующими этим смысловым позициям. Диалог необходим в проблемных ситуациях, в ситуациях личностного творчества, когда решения, понимания еще нет, но оно должно

быть выстроено, создано» [Нуркова, 2000; с 190]. Для нас важно, что существующий в сознании «дневниководов» конфликт «установок» выливается в рефлексию над дневниковым жанром (и шире – дневниковым самовыражением) в ИД. То же касается двух других противоречий, над которыми размышляют авторы ИД: между автобиографичностью и фикциональностью (вымышленностью) содержания и между спонтанностью, естественностью, непосредственностью изложения и его литературной «выделанностью», стилистической обработанностью, желанием «писать красиво».

Иногда я захожу в теплые дневники, простыми словами рисующие теплые жизни своих владельцев, и, начитавшись вволю, говорю себе: «Хватит уже умничать и литературничать, не пора ли начинать потихоньку очеловечиваться и очеловечивать дневник?»

Пишу что-нибудь простое у себя и сижу, довольный, пока не увижу случайно что-нибудь безумно красиво звучащее вот здесь, например – и тогда снова медленно возникает жгучее желание затейливо позвенеть витиеватыми гирляндами разных причастий, нанизанных на давно уже не ощущаемую никем, а меньше всего – мною, сюжетную нить вперемешку с дее-ними¹ же и прочими всеми.

Пойду позвеною... (О., xxxxxx.ru);

– Зачем?

– Первый раз о дневниках в сети я прочитал в каком-то журнале и... посмеялся. Вести свой дневник для всех, писать о своем настроении, о том, что сегодня (не)произошло, о своих чувствах для всех... кому это будет интересно? Ведь зачастую мы не интересуемся жизнью близких людей, а тут вообще непонятно кто.

Но кто-то читает, кому-то интересна чужая жизнь. Хотя я думаю, что большинство интересуется чужой жизнью для того, чтобы утвердиться в своей, – Я такой как все – Я тоже так живу – Я не такой как все – Я единственный (нужное подчеркнуть). Привлечь внимание к своей (не)скромной персоне – вот чем занят каждый человек на земле. Не так ли?

Кое-кто уже нажимает «Комментарии», чтобы написать: Совсем нет! Мне никто не нужен! Мне все пофигу! НО, зачем Вы это пишете? Чтобы я об этом знал. Чтобы об этом узнали все вокруг Вас. Чтобы на Вас обратили внимание.

Не сердитесь, Мы Все Такие Разные. И Я точно такой же! Ну в смысле НЕ такой как все...

Определенно, теще славию любимейший из моих грехов! (к/ф «Адвокат дьявола») (дневник D., xxxxx.ru).

Наконец, в-третьих. Хотя тексты ИД демонстрируют разную степень владения языком у их авторов, можно утверждать, что человек, способный на планомерное ведение такого дневника, – это человек с определенным уровнем образования, культурным запасом и развитой языковой способностью. Это человек, внутреннего содержания которого хватает на полгода, год, полтора, два года регулярного автобиографирования и автоинтерпретации, причем форма и содержание его высказываний оказываются интересными для многих других людей (авторы дневников, не «нажившие» постоянных читателей, надолго в сообществе не задерживаются). Свобода языкового самовыражения, предоставляемая ИД, для такой личности не бездумна и принимается как должное, а, напротив, становится горячей темой размышления и обсуждения в дневнике. Необходимым элементом такой свободы является осознание и преодоление определенных барьеров, в том числе собственно языковых (например, лексических и словообразовательных лагун в системе) и рефлексия над законами языка, словесного творчества, человеческой коммуникации.

¹ Т.е. деепричастиями.

Итак, у авторов дневников мы находим:

1. Рассуждения о жанре: что такое дневник, почему он заводится, как соотносится автокоммуникационная сущность жанра с предполагаемой интернет-бытованием диалогичностью, предназначенностью для прочтения; как сочетается принцип искренности, предполагаемый опять же дневниковым жанром, со стремлением к красоте изложения и необходимостью поддерживать общение с десятками незнакомых тебе людей и т.п.:

Периодически задумываюсь, для чего, отчего и почему все-таки люди ведут дневники? В первую очередь спрашиваю себя. Да просто порой хочется записать, зафиксировать что-то, что задело за живое, поразмыслить над этим... Но вот нужно ли это? Насколько это полезно для меня? И Леви был прав, пройдешься по записям и увидишь умиление собой, сентиментализм, топтание на месте, кучу глупостей, постоянное самоотрицание и самобичевание, вранье...

«Дневник односторонен. Бежишь в него слабым, в моменты плаксивого одиночества, или – навыворот – истерического самоуспоения, в похмельюшке, в подштанниках... Какофония самонастройки». (с) В. Леви (D-V, xxxxxxx.ru);

Хммм... Пыталась ответить себе на вопрос, зачем мне заводить здесь дневник... Безрезультатно... Одно где-то внутри мурлыкает: «Хочу, хочу, хочу...». Это бессмысленное «хочу»... И почему оно сильнее логических увещаний разума?? Мда... Завожу дневник как бы для себя, но читать его будет кто угодно. Это все равно что раздеваться у окна – вроде ты дома, а вроде все тебя видят. Странно, люди стали настолько откровенными в он-лайнах, чатах & so on, a face to face – это только в том состоянии, когда давно уже пора в «презеватель». Ну что ж... каждый выбирает свой наркотик. Я, к счастью, нашла один из самых безобидных (I desperately hope), но ломки быть могут, я это чувствую (S-C., xxxxxxx.ru);

Помимо тривиальных мер, типа количества записей и комментариев, а также частоты появления новых записей, предпочитаемого времени суток и т.д., существует еще ряд других измерительных инструментов, позволяющих провести сравнительный анализ дневников по различным интересующим (или могущим заинтересовать) нас критериям. Ни в коем случае не претендуя на авторство исчерпывающего списка подобных инструментов, я, тем не менее, позволю себе периодически приводить некоторые из них, по мере поступления их в мой инертный ум. Что же может заинтересовать исследователя, буде такой когда-нибудь объявится?

Способность дневника привлечь интерес читателя. <...> Способность дневника спровоцировать интеракцию. <...>

Склонность автора к интерактивному общению. <...> Автобиографичность дневника. <...>

Степень заинтересованности автора в высказывании собственного мнения <...> (О., xxxxxxx.ru).

В сфере жанровой рефлексии выделяются несколько распространенных подтипов.

«Организационные соображения». Размышления автора над собственным дневником и функционированием всего «дневникового сообщества»: констатирующие (**так есть**) и оптативные (**надо бы так сделать**):

Дневник – это немножко дерево. Собственный – ствол и крона, комментарии тебе – отросточки, листики; комментарии твои – причудливо протянутые во все стороны ветви, есть посолиднее, есть потоньше. Чем лохматее растет, тем симпатичнее, как и всякое живое необлагороженное дерево...

Да уж, строго-кипарисово у меня это вырастить, однако, не получилось... Ну и слава Богу (Ф., xxxxxxx.ru);

Уничжительная самоинтерпретация может быть в дневнике позой или

искренним отношением автора к избранному жанру и к качеству своего письма. Имеет две разновидности – обобщенную и индивидуальную: «Открытый дневник – это в принципе неестественно, ненормально, это бред» или «То, что я пишу, – это неестественно, ненормально, неинтересно, некрасиво, это бред, чушь...».

Такая самоинтерпретация отражается в названиях дневников («Записки графоманьячки», «Чушь. Избранное», «Полный бред», «Темпоральная fuga до-диез-минор для Октябрьского Молота в исполнении Борхеса с оркестром») и записях:

По-моему, самое часто употребляемое здесь слово – «бред». Все спешат заявить, что они сумасшедшие и все, что они пишут (делают), это бред воспаленной фантазии. Мне кажется, что они так защищаются. Очень тяжело бывает отстоять свою точку зрения, отличную от общепринятой. Очень больно ранят равнодушные слова, страшно идти навстречу ревущей толпе. Куда проще сразу избавиться от всех нападок:

– Ну, что вы, это бред. Да, да, самый настоящий бред. Это я так балуюсь иногда (дневник D., xxxxx.ru).

2. Размышления о трудности самовыражения и письма вообще: трудности раскрытия в дневнике некоторых тем, передачи своего настроения, описания сиюминутных ощущений:

Вообще, я должен сказать, что еще ни разу мне не удалось нарисовать пост в точном соответствии с тем, как он был предварительно задуман. Вы понимаете, ни единого раза! Главное, ходишь, обдумываешь, мысленно делишь на логические куски, связочки придумываешь между ними, какие-то языковые обороты складываешь... А потом начинаешь писать и с великим удивлением наблюдаешь за тем, куда ведет тебя излагаемая тобой же кривая. Ближе всего к запланированному получились «Общества», из них «Нарциссы» были наиболее дисциплинированными, практически неотступно следуя за мной, не споря и не сворачивая с заранее проложенной тропинки. На другом конце находится мой вчерашний пост, оказавшийся совершенно неуправляемым с первых же слов – я только успевал, хныча, уклоняться от веток этого бурелома, нещадно хлеставших меня по лицу. Вы будете смеяться, но я всего-навсего хотел вчера сказать, что зачастую написанный текст не (полностью) передает смысл, заложенный в него автором, и хорошо бы воспользоваться музыкой и цветом в качестве вспомогательных средств передачи информации читателю для повышения эффективности связи «читатель-автор». ВОТ И ВСЁ!

Все собираюсь подстеречь усталость и описать ее, но все никак не выходит. То есть не то чтобы не подстерегается, тут даже дважды просить не надо, но как только необходимое состояние наступает, сразу все опускается и медленно ползет через душ в направлении постели, напрочь игнорируя вчерашний творческий порыв и призывно помигивающий монитор иже с ним. Ну и ладно, не очень-то и хотелось... (начиная ползти) (O., xxxxxxx.ru).

Интернет-текст можно отредактировать, можно даже стереть. Но очень часто автор предпочитает не переделывать, а объяснить сделанную запись, находя в ней повод для языковой и речевой рефлексии:

Бывает, перечитываю предыдущие записи и понимаю, что сказал не совсем то, что думал сказать, или не совсем так, как хотел сказать. В результате, кое-что дописываю, переделываю, удаляю. Вот бы и в жизни так (O., xxxxxxx.ru);

Занимательная геометрия.

13:47 30-03-2003.

Если представить себе только что рожденного человека в виде какой-нибудь геометрической фигуры, то это, скорее всего, будет шар. Гладкий, прозрачный

ный и мягкий. Потом появляются грани. Эти выпуклости и неровности появляются под воздействием внешней среды (хотя конечно можно спорить). И годам к 18-20 (тут уже все индивидуально) наш шарик превращается в фигуру со множеством граней. Кое-где гладкий, кое-где шершавый, об некоторые грани можно порезаться, к другим же очень приятно прикасаться, местами сквозь этот непонятный предмет может пройти лучик солнца, а кое-где – непроницаемый мрак и темнота. Наступает самый ответственный момент в жизни неформившейся геометрической фигуры...

Добавлено 23:25 30.03.2003.

Далее, главное не ошибиться.

Или разбить «Занимательная геометрия» на части, но это организационный вопрос, ведь странно и немного неправильно, если я начну читать «Занимательная геометрия» с 3-ей или 5-ой части. Это монолит или в любом случае придется тасовать главы и написанное ранее переносить наверх, черт, неудобно, админы¹ здесь чего-то не учли. Но это не самое главное. Главное, не ошибиться в мыслях, которые уже имеют целостность в голове моей, но еще не оформлены в удобоваримое и понятное чтиво. Кому? Да мне самому! Одно дело когда ты мыслишь, другое дело, когда ты осмыслил, и в словах, которые, как пули, в десятку...

Добавлено 21:20 31.03.2003.

Остыл.

Добавлено 22:59 07.04.2003.

А дальше вот что происходит.

Фигура пытается осознанно самоорганизоваться в объект правильной, симметричной формы, приятной на вид и на ощупь. Если ранее изменения происходили неосознанно и хаотически, то с возрастом приходит понимание, что вылепить можно практически все что угодно. Только чем позднее приходит понимание, тем сложнее изменяться. Но тем не менее возраст никогда не тянет на отмазку. И далее речь конечно же будет о стандартах...

... редактировать редактировать редактировать 07.04.2003. (M., xxxxxx.ru).

3. Рефлексия над композицией, стилем и т.д. собственных текстов может быть предметом отдельной записи (см. выше) или носить характер метатекстового включения. Наиболее характерные виды таких включений:

а) после текста записи, организованного одним композиционным приемом, эксплицируется сам прием:

Из колонок воеет винамп, во дворе офиса рабочие только что закончили вбивать какую-то сваю, по всему столу лежат ежедневники, мобилка, какие-то пять гривен, пробки от «Пепси», обычный телефон розового цвета, портретик Ани. Более глобальное окружение включает в себя дизайнера, программиста, копирайтера, соседний магазин-офис, четыре компьютера, соседний зал чекинга анимации на 150 человек, коридоры, четырехэтажное офисное здание. Далее простираются три озера вокруг здания, парк, гостиница, площадь, поликлиника, строящееся метро, окружная, Киев, область, Украина, Европа, планета, Солнечная система.

Уфффф. Зоот удался почти как в последнем кадре «Людей в черном». И играет в это какой-нибудь ушастый дракон (F., xxxxxx.ru);

¹ Администраторы сайта.

б) типичная композиционная схема дневниковой записи «стимул (наблюдение в реальной жизни, высказывание кого-то из «дневниководов» и т.п.) – реакция» реализуется с указанием на неожиданность, словно бы непонятность для самого автора ассоциативной связи:

На стоянке около НИИ – две иномарки, обе черные, и с зеркально сквашенными носами. У одной слева, у другой справа.

Нашли друг друга...

Не к месту вспомнилось, как в детстве я выбрасывала варежку вслед потерявшейся подружке. Теряла ой как часто... за зиму теряла пар 5-6. А потом маме надоело, и она стала пришивать к ним длинную резинку, которую продевали в рукава пальто. И варежки уныло болтались, не надеясь уже никуда сбегать... (Т., xxxxx.ru)

4. Поднимаясь от анализа своей конкретной записи (или не-записи) на больший уровень обобщения, «дневниководы» приходят к **размышлениям над своим (реже – чужим) речевым образом, коммуникативным поведением, манерой письма** в целом:

Не только у меня, но и в дневниках-закладках часто посты заканчиваются моими комментариями... Это потому что я такая подытоживающая своим мастерским слогом или дискутировать никто не хочет?!;

Ну, не могу я оставлять комменты без ответов! Кажется мне, что им так сиротливо становится... Оставляю редко, и когда уж совсем дополнить нечем (Ф., xxxxxx.ru).

5. Интернет-общение с его возможностями и ограничениями у многих дневниководов является чуть ли не основным способом языкового существования. Отсюда **размышления над русским языком и особенностями организации коммуникации в Сети**:

Нет, я все понимаю... В И-нете свой язык... (частенько вообще мало общего имеющий с нормальным русским), свои правила общения... Я и сам частенько не набираю половину букв и знаков пунктуации – для большей скорости печати, но вторую-то половину ставить надо!!! Сейчас пытался читать дневник, в котором знаки пунктуации отсутствуют как класс, а все предложения начинаются с маленькой буквы... Устал, как будто целый день мешки с картошкой с места на место перетаскивал. Что самое обидное – дневник-то довольно интересный, но не могу я его читать в таком виде и все тут... (Р., xxxxxx.ru);

Какая удобная все-таки... эта фигня – Клиент¹. Интересно, как бы сейчас выглядела бальзаковская барышня, занятая писанием писем подругам и своему кавалеру в другие города... «Засим завершаю редактировать свое послание и прощаюсь. Прилагаю последнюю фотографию маменьки, которая в цифровой фотомастерской сделана давеча была мастером Никиткой. Вечно Ваша...».

Кошмар. На голову не налазит.

Вяние времени: влюбленные обмениваются номерами Асек (Ф., xxxxxx.ru);

«Я получил Ваше письмо и если посчитаю нужным обязательно отвечу в самый короткий срок» – вот такая замечательная смесь хамства и вежливости свалилась мне в почтовый ящик. Робот, конечно. Но с каким апломбом!;

Интернет – удобная вещь. Самый большой его недостаток, – это незавершенность тех благ, которые он предоставляет. Важнейшим из этих благ для меня является общение.

<...> Тебе приходит письмо, ты отвечаешь. Тебе опять приходит письмо от этого человека, ты снова отвечаешь. Если ты живешь, скажем, где-то на родине Интернета, то в следующий уик-енд ты садишься на самолет, и, через некоторое время, вы, вместе с твоим новым знакомым, пьете кофе. Если ты

¹ «Клиент» – программа, позволяющая делать записи в дневнике и отвечать на комментарии в оффлайновом режиме, а затем отправлять их.

живешь, предположим, где-то на родине Толстого, то... Ты садишься на самолет и летишь в Петербург, летишь в Воронеж, летишь во Владивосток, в Гданьск, в Барселону, в Сан-Франциско... – аэроплан виртуальный, попытка не засчитана.

Общение, лишенное обыкновенных вещей – рукопожатий, кружечек чая субботним утром, комплиментов, партии в бридж воскресным вечером, прогулок по городу, обсуждений только что просмотренного фильма, общение, лишенное голоса, в конечном счете, бессмысленно. Рок-музыкант, который зарабатывает на жизнь пайкой схем в фирме, где ты работаешь; охранник, с которым ты здороваешься каждое утро, соседка по лестничной площадке, которая приходит занимать у тебя деньги – все они ближе тебе, чем человек, дневник которого ты читаешь, письмо которому ты пишешь, который только что «online».

В Интернете больше всего мне не хватает общения (G., xxxxxx.ru).

Одна из важнейших тем в этой сфере коммуникативной рефлексии (введем этот термин по аналогии с рефлексией языковой, речевой, жанровой) – объективность виртуального отображения действительности, соответствие виртуальных «масок» (образов автора) реальным собеседникам:

Дергаюсь как от тоненькой змейки электрического тока. Почему? Ну почему строчки и символы виртуального персонажа могут так... «оживать»? Просто ли потому, что я привыкла все перекладывать на образы? Или потому, что многие виртуальные сограждане уже давно превратились для меня в реальных людей? Или потому, что эти строчки я способна понять? Почему же?

Буквы выстраиваются в слова, слова в словосочетания, словосочетания в предложения... и плетется зыбкая вязь, создавая образы, даря эмоции, окрашивая мир в различные цвета-полутона-оттенки. И иногда, тихо-тихо, написанное звучит голосом автора, а перед глазами картинка – офис-рабочее место-дом-инеткафе – неважно что – за монитором человек, пальцы стремительно летают над клавиатурой или не очень стремительно, а наоборот неспешно и вдумчиво...

Черт, ну как можно жить образами?!

Свихнуться можно...

Что я и сделала... (A., xxxxx.ru);

Станный мир оживших слов, стихов и рассказов. Станный мир чужого настроения и чужих снов, чужой любви и чужой радости. Только боль своя. А слова просто напоминают о ней, будят ее в глубине, разжигают, хлещут, рвут, цепляют острыми когтями и тащат, тащат, тащат вверх, то, что лежало на самом дне. Маски тянутся ко мне сквозь мельтешиющий калейдоскоп замиря...

Их голоса – эхо в тишине моей комнаты.

Их глаза – миражи в темноте моего неба. Маски слышат. Чуткими пальцами слепцов они ласкают пластик, испещренный черными значками букв. И буквы складываются в слова, и слова сливаются и превращаются в осколки чужих жизней. Слова не принадлежат тем, кто их написал, ибо они – жизнь масок.

Иногда маски удивительно похожи на людей. Иногда люди даже отдают им свои имена. Но даже тогда, у масок – свой путь (N., xxxxxx.ru).

6. Собственно языковая и речевая рефлексия

Размышления над возможностями языка – информационными, коммуникационными, выразительными – могут принимать в дневниках самые разные формы: от простого метатекстового включения (а) до темы целой записи (б):

а) *Чем только ни пытаются вылечить мое горло [грустный знак, в орфографии отсутствует] (G., xxxxxx.ru);*

б) *Я уверен, что в каждом языке есть средства, позволяющие сочинять лингвистически изящные тексты. Скажем, в «Городе Ангелов» главный герой (между прочим, ангел), объясняя не менее главной героине, кем он работает, называет свою профессию словом messenger, что может означать как «посыльный», так и*

«посланник», в зависимости от контекста (нетрудно догадаться, в каком контексте его понимает героиня). Я также могу привести пару примеров из иврита, который ими, вообще говоря, изобилует, но боюсь, что могут найтись те, кому эти примеры мало что скажут.

Человек, который захочет перевести текст, выстроенный с помощью вышеупомянутых средств, будет поставлен перед непростой дилеммой, с которой рано или поздно сталкиваются все профессиональные переводчики: переводить ли текст буквально, сознательно игнорируя или даже, хуже того, поясняя в многочисленных сносках «игровые» места, или же пожертвовать точностью перевода, попытавшись за счет нее воссоздать ощущение, возникающие, по мнению переводчика, у читателя при прочтении оригинала. Понятно, что необязательно стоять на одном из этих полюсов – нужно определить приемлемую середину, каковая и выбирается каждым лично для себя... (О., xxxxxx.ru).

Показательно, что авторов ИД в языке интересуют именно **возможности**: как можно сказать? как можно преодолеть существующие ограничения и заполнить лакуны, препятствующие самовыражению?

Языковая и речевая рефлексия обнаруживается и в сознательных отклонениях от нормативного орфографически-пунктуационного вида текста. Особенно характерен неистовый поиск форм письменной передачи устной речи, ее интонаций, знаков интимизации сообщения, попытки преодоления сопротивляющихся орфографических норм (кажет(ь)ся, снит(ь)ся --> кажеЦа, кажеЦЦа):

AAAAAAAAAAAAAAAA!!! (истерично орет)

(замолкает и продолжает заговорщицким шепотом)...

aaaa... забастовка то... того... за-кон-чи-лась!

(Ш., xxxxxx.ru)

Большинство «дневниководов» очень четко разграничивают языковые средства, которые кажутся им принадлежащими к сниженному стилю, знаками разговорности, даже просторечности, и языковые средства, уместные в более высоком, книжном стиле. Конечно, граница эта у разных носителей языка разная, но показателен сам факт ее наличия. У одного и того же автора лексика, орфография и пунктуация той части записей, которая тяготеет к устно-разговорной стихии, значительно отличаются от лексики, орфографии и пунктуации «литературных» записей. Наиболее частотные средства передачи интонаций устной речи на письме, подчеркивающие непринужденный характер общения и даже как бы «настаивающие» на нем:

– удвоение, утроение, учетверение и т.д. гласных и согласных: *Вы этого не видееееееелишии...*;

– прописные буквы: *УилО*;

– ненормативные знаки препинания и их разнообразные сочетания: *открыл свой системник, а там пыли!!!!.....*;

– выделение курсивом, жирным шрифтом, мелким шрифтом, более бледным шрифтом и т.п.;

– дефисное написание слов: *НИ-КОГ-ДА!*;

– ненормативное написание слов, следование не орфографии, а разговорной и даже просторечной орфоэпии: *что-нить, естессно, щас, щаслив, Ленин жил, Ленин жыф, Ленин будет жить*.

Крайне разнообразны в ИД формы языковой игры, свидетельствующие о рефлексии пишущих над языком и коммуникацией. Всего несколько примеров:

а) замена слов в стандартных фразах Интернет-страниц:

«Дневник этого участника не предназначен для публичного просмотра, и вы не внесены в список душевных (в оригинале: допущенных – М.С.) к просмотру лиц. Вы можете попросить автора сделать это, связавшись с ним по e-mail или U-mail». Так вот и читаем... (А., xxxxx.ru);

Если вам надоело жить (в оригинале: ждать – М.С.) или если браузер не переправляет вас автоматически... (А-а., xxxxxxx.ru);

б) простое предъявление читателям какой-либо цитаты в расчете на их языковое чутье («Видите ли вы то, что вижу я?»):

Читаю:

У пиаров получил образование Песталоцци. С пиарами дружил Галилей. Работа пиаров распространялась на Италию, Испанию, Восточную Европу, особенно Польшу. Когда Россия захватила часть Польши, пиары попали к нам и стали действовать в западных частях Российской империи. Но в 1863 году Александр II счел, что излишняя образованность простонародья была одной из причин польского восстания и запретил пиаров.

Вон оно что... (Д., xxxxxxx.ru).

7. Но и **реальная повседневная коммуникация** не остается без внимания наблюдательных «дневниководов». Главные объекты критики – это, конечно, реклама, тексты СМИ, массовая культура, «канцелярит»:

«КП в Украине» – больше, чем КП! «Комсомольская правда в Украине», первая полоса приложения «Киев» от 20 мая 2003 г. Из статьи о субботнем горе-Дне Европы, фрагмент о развернутых на Крещатике палатках с блюдами национальных кухонь, цитата: «На Крещатике можно было в этот день попробовать и итальянскую пиццу, и болгарское жаркое, и французский жульен, и немецкие сырные шарики, и киевские хот-доги...» Андерлайн мой, – слово такое украинское. «Россия – родина слонов», Боже ты мой... (Ф., xxxxxxx.ru);

Закажу очки. Розовые. Или просто «+7». Наши цены дешевле чем... – сил моих больше нет (G., xxxxxxx.ru);

Это называется «для чайников»... я с первого раза не въехал: «...Все файлы каждого подкаталога данного каталога копируются в соответствующий подкаталог того каталога, куда копируется данный каталог...» (PZ., xxxxx.ru).

8. **Номинативная сфера языка** – область активного творчества говорящих. Поиск слова автором дневника симптоматичен. Возьмем хотя бы «ники» (Интернет-псевдонимы) и названия дневников, отражающие и указанные в начале статьи три фактора, которые определяют коммуникацию в дневниках, и круг прецедентных феноменов авторов: «Чушь. Избранное», «Мысли вслух», «Записки человека, бывшего в прошлой жизни компьютером», «Маленькие трагедии. Очень маленькие», «Бормотание во сне», «Середина», «Возможности и варианты», «Astronauts sometimes die...», «Be роDZitive!☺)... Рискую нарушить строгость систематизации, выделяем в отдельный пункт **размышления над номинациями** – (а) общеязыковыми или (б) изобретаемыми, обыгрываемыми, просто используемыми в записях авторами дневников:

(а) *Убожество. Семантический анализ...;*

«Убожество». Версия первая. Слово возникло на далекой-далекой языческой Руси, когда одна из массивных деревянных статуй местных божков покосилась и в скором времени рухнула на ногу языческого русиста. Русист и возопил: «Ууууу... божество!» Так и повелось употреблять данное слово в пренебрежительно-возмущенном контексте.

«Убожество». Версия вторая. Слово возникло в не столь отдаленные и уже просвещенные времена христианства в царской России. Слово было придумано и впервые озвучено (здесь историки теряются в догадках) одним из нигилистов или представителем просвещенной интеллигентской атеистической прослойки. Слово можно четко подразделить на предлог места «у» и собственно составную часть «божества» от корня «бог». Таким образом «у божества» (позже окончание морфировало в средний род) употреблялось исключительно в пренебрежительном контексте и подразумевало под собой глубоко заблуждающегося человека.

«Убожество». Версия последняя. Слово образовано от однокоренного «убогий». Что тоже наводит на родственные измышления (А., xxxxx.ru);

Последние Новости. Помню из детства эту фразу по радио. Меня очень озадачивало, почему эти взрослые каждый раз врут. Каждый раз они говорят, что новости последние, и каждый раз после этого все равно готов новый выпуск (О-Н., xxxxx.ru);

(б) Одно время была мысль переименовать дневник в Туманную Пустошь, но народ все прибывает и на пустошь уже никак не похоже. Но у меня на примете есть еще несколько классных дождливо-сплиновых названий (Р., xxxxxx.ru);

...в метро мне пришла в голову пара идей, которые я решил, по приходу домой, записать в дневник. Идя от станции к своей (частично своей, конечно) шестнадцатизэтажке, я придумывал подзаголовок... «Мысли вслух»? Хм. Совсем не вслух. И не про себя. И не на бумаге. А как? «На экране»? Банально. «Вбайт»? Пошло. «Встук»? Требуется объяснения – встук клавиатуры. «Всеть»?

Уже лучше...

Наконец, я придумал.

«Е-мысли». В электронном виде, то бишь. Неплохое, кстати, название для дневника e-thusli. Можно даже значок завести специальный – т с хвостиком, как у @... (G., xxxxxx.ru).

Рассуждения об общеязыковых номинациях зачастую перерастают в критику штампов языка и мышления:

Периодически мне кажется, что я живу в дистопии... я понимаю, что все это лишь результат моего восприятия мира и единственное что я могу сделать – это изменить его. Изменить на что? Я не понимаю, что значит адекватно воспринимать мир?

Лезем в энциклопедию:

Адекватное (от лат. *adaequatus* – приравненный, равный), соответствующее, соразмерное, согласующееся, верное, точное. В теории познания термин «А.» служит для обозначения верного воспроизведения в представлениях, понятиях и суждениях объективных связей и отношений.

Так... раз мы говорим об окружающем мире, то здесь, скорее, уместно говорить о социальной адекватности, что почему-то приравнивается в понятиях к социальной адаптации. А социальная адаптация это есть приведение индивидуального и группового поведения в соответствие с господствующей в данном обществе, классе, социальной группе системой норм и ценностей.

Так вот, значит воспринимать мир адекватно – это жить в соответствии с нормами и ценностями, установленными в обществе.

Укажите мне, плиз, на логические ошибки в моем рассуждении, если они есть... а то совсем уж как-то погано на душе... (D-V., xxxxxx.ru).

Авторы дневников думают и пишут о языке, о коммуникации столько же, сколько о реальной жизни.

9. Рассуждения о художественной литературе, о языке художественной литературы, о литературности вообще занимают меньшее место, но также весьма показательны:

Хуже нет описаний одежды в литературе. От них даже укачивает. Особенно в фиках¹, да не прогневаются на меня их авторы. По моему скромному мнению, упоминание деталей одежды оправдано лишь в том случае, если несет на себе существенную символическую нагрузку. Единственный голос в защиту описаний одежды как таковых, который приходит в голову, – это Саша Привалов, дивящийся в 3-ей части Понедельника на полуголых персонажей описываемого будущего. Но то ж Привалов.

Не так с едой. Опять же – еда приобретает особое значение в свете своей

¹ Фантастических произведениях.

символики. Но по большому счету еды много не бывает, и литературоведы с удовольствием описывают, как уже одно только описание обеденного стола способно навеки приковать читателя к креслу. Суп Кемпбелл, короче, или как там его. Делается вкусно (дневник Д. О., xxxxx.ru);

...подустав от Бродского на ночь, чтиво решила сменить. плохо знаю Куприну. «ooooooooo! Ямаaaaaa!»-простонал в трубку лучший друг, сообщив, что зачитывался ею в классе третьем. да в третьем многие ею зачитывались. у половины моих друзей этот томик был изъят с полок бдительными родителями, зато у второй половины этот же том был потрепан и выделялся на фоне всех остальных. я же, обнаружив на своей полке Декамерона, ямой не интересовалась. в плане клубничности Декамерон, конечно, хлеще, а в плане не клубничности можно было сесть за что-то другое. такой же вывод был сделан и вчера. «суламифь» гораздо эротичнее, читается приятнее и... короче в несколько раз (слышали бы меня сейчас мои преподаватели!) но нет, не полюбился мне Куприн, несмотря на браслеты его чудные. опять же вспомнилась сплетня, как он Набокова подпавал и сюжеты у него выманивал. нет-нет! на ночь что-нибудь другое теперь. Ахматова, например. разучилась ее цитировать, разучилась читать себе ее стихи. восстанавливать надо! (R.,xxxxxx.ru; текст приводится с авторской пунктуацией).

Рассмотренные примеры приводят нас к выводу: для их авторов самоинтерпретация, рефлексия над своей жизнью (будь то жизнь внешняя, событийная, или внутренняя – жизнь мыслей и эмоций) неотделима от интерпретации языка и коммуникации. Глубина этой интерпретации зависит от общей культуры человека. Но в любом случае для нашего современника, ищущего возможность творческого письма, а не удовлетворяющегося языковым существованием в рамках обыденных и профессиональных жанров, русский язык и способность (собственная и других людей) изъясниться (изъяснить себя) на нем есть вопрос вопросов, в поиске ответа на который добросовестный специалист-русист может и должен помогать.

Литература

Нуркова В.В. Свершенное продолжается: Психология автобиографической памяти личности. М., 2000.